

1165

10520 11198

~~1169~~

III

Л. Н. ТОЛСТОЙ О ЕВРЕЯХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

О. Я. ПЕРГАМЕНТА.

И. ТЕНЕРОМО.

Книгоиздательство
= „ВРЕМЯ“ =
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
НЕВСКІЙ ПРОСП., 119.
1908.

95 $\frac{1}{372}$

Л. Н. ТОЛСТОЙ О ЕВРЕЯХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

О. Я. ПЕРГАМЕНТА.

И. ТЕНЕРОМО.

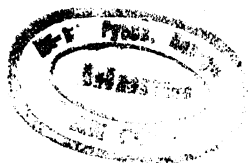
Книгоиздательство

== „ВРЕМЯ“ ==

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

НЕВСКІЙ ПРОСП., 119.

1908.

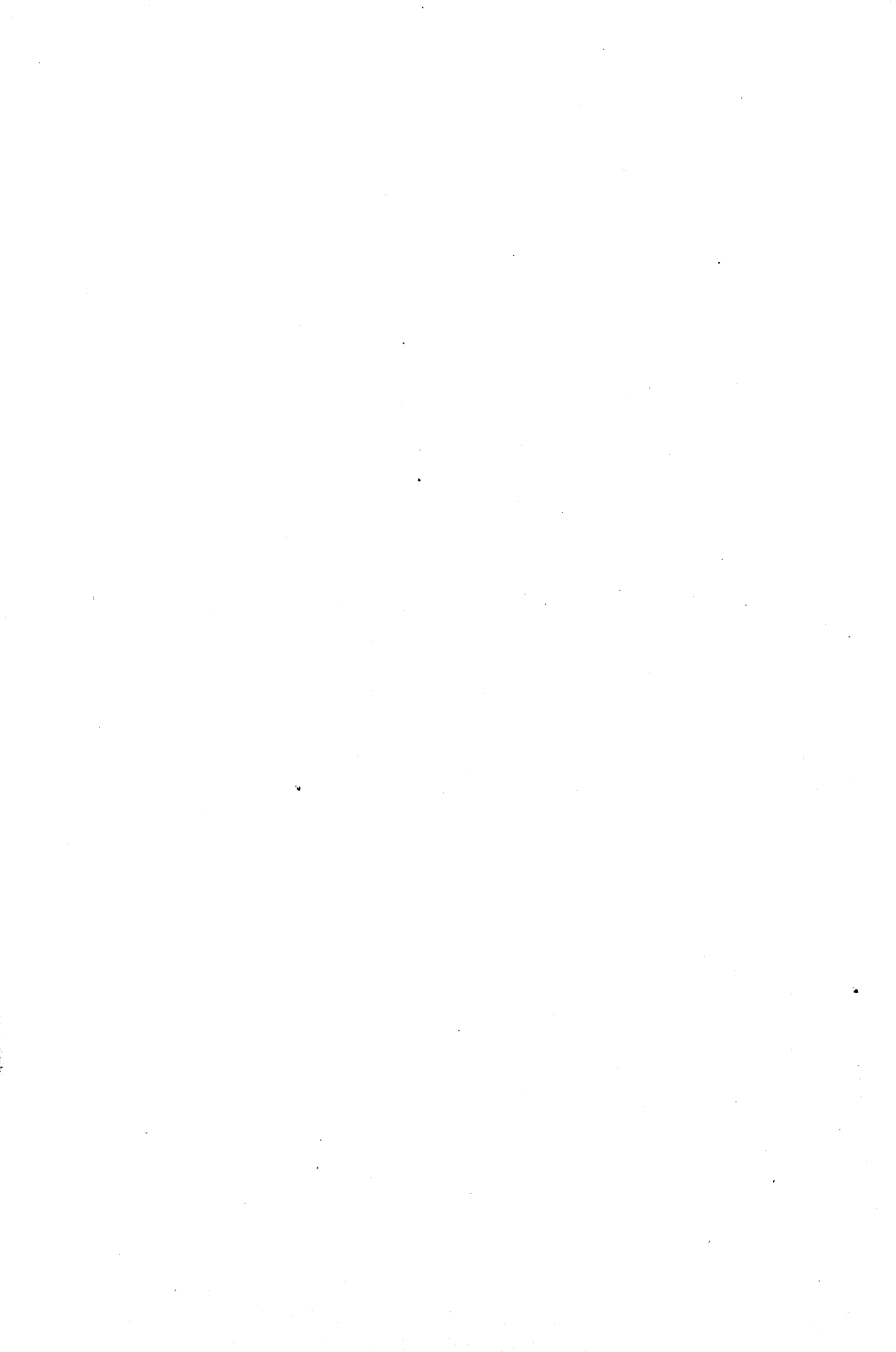

ТИПОГРАФИЯ Я. БАЛЯНСКОГО
Загородный пр., № 74.

367.

Содержаніе.

Предисловіе.	5
1. Еврейскій вопросъ	9
2. Сіонизмъ.	17
3. Колонизація евреевъ	29
4. Еврейскія легенды	35
I. Пролитая кровь.	55
II. Въ погромные дни.	41
III. Упоеніе смертью.	47
5. Юдофобство.	57

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не тревожься неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшать,
Овладѣть беззащитной землею...
Что бѣгутъ пауки и шипя...
На болотѣ проснулась змѣя—
Это гады бѣгутъ предъ зарею...

Чѣмъ ночь темнѣе, тѣмъ звѣзды ярче... И въ тяжелые дни переживаемаго безвременья, когда темныя силы челоѣконенавистничества, мрачнаго озлобленія и слѣпотаго фанатизма беззащитно глумятся надъ по-
пранными началами братства и любви, надъ лучшими завѣтами и надъ самыми дорогими надеждами,—въ эти тяжелые дни звучить особенно мощно голосъ одного изъ величайшихъ воплощений мучительныхъ исканій правды, одного изъ гениально-искреннихъ и смѣлыхъ проповѣдниковъ долга къ самому себѣ и любви къ другимъ. И этотъ великій учитель жизни—вмѣстѣ съ тѣмъ и безспорный въ свидѣтельствахъ своихъ ея наблюдатель. Среди враговъ Толстого, среди тѣхъ, кто оспариваетъ его выводы, не соглашается съ философской стороной его твореній, врядъ-ли найдется хотя-бы одинъ, кто дерзнулъ-бы сказать, что Толстой не безукоризненный въ правдивости своихъ описаній наблюдатель явленій жизни. И когда онъ говоритъ, что въ душѣ русскаго народа нѣтъ ненависти ни религіозной, ни націо-

нальной къ сынамъ еврейскаго народа, когда онъ отъ имени русскаго народа говоритъ, что трудовая крѣпкая землю Россія раскроетъ свои объятія дѣтямъ еврейскаго народа, возвеличеннаго страданіями своими,—то это свидѣтельство безпощадно уличаетъ во лжи тѣхъ самозванныхъ представителей русскаго народа, которые хотятъ превратить великое его имя въ кличъ челоуѣко-ненавистничества и насилія.
.
.
.

О. Пергаментъ.

Єврейскій вопросъ.

Получаетъ разъ Левъ Николаевичъ письмо:

«Графъ! Въ засѣданіи психологическаго общества въ Москвѣ вы въ своей рѣчи выразились, что надо любить всѣхъ людей. Позвольте васъ перебить! Неужели и жида надо любить?.. Я не могу повѣрить, чтобы вы, графъ, нашъ извѣстный писатель, могли согласиться съ такимъ выводомъ. А между тѣмъ изъ вашей рѣчи неизбѣжно слѣдуетъ это положеніе. Очень радъ былъ-бы услышать отъ васъ опроверженіе. Если пожелаете отвѣтить, то отвѣчайте черезъ «Новое Время»—я подписчикъ этой газеты».

Помню, долго мы съ Л. Н. смѣялись надъ этимъ «произведеніемъ» и рѣшили, что лучше всего, вмѣсто отвѣта, опубликовать это самое письмо.

Я вложилъ письмо въ конвертъ, написалъ въ редакцію препроводительную записку о желаніи Л. Н. опубликовать письмо и отправилъ на почту въ Ясенки.

Поздно вечеромъ, вижу, Л. Н. пришелъ усталый и, вынувъ изъ кармана какой то конвертъ, положилъ его на столъ.

— Ходилъ на почту, — говоритъ онъ, — и взялъ назадъ письмо. Богъ съ нимъ! Онъ человѣкъ темный, со всѣмъ еще не родился къ жизни.

Льву Николаевичу пришлось сдѣлать 12 верстъ туда и назадъ въ осеннюю, мгlistую пору.

Вскорѣ послѣ этого онъ уѣхалъ въ Москву, а я остался въ Ясной. (Это было въ 1886 г.).

Въ февралѣ мѣсяцѣ, слышу, затренькали у подъезда бубенцы, и изъ наемной тульской пролетки выльзаютъ два «чистыхъ господина».

Одного изъ нихъ я зналъ,—моложавый, но рыхлый блондинъ Оболенскій.

А другой—старичекъ, съ сѣденькой бородкой и слегка сутуловатый.

Подходить и рекомендуется:

— Суворинъ!—говорить.

— Очень пріятно.

Быль ясный, солнечный день, и мы усѣлись подъ деревомъ у павильона на скамейкѣ.

— Жаль,—началь Суворинъ,—что не засталъ Л. Н. А я къ нему за совѣтомъ.

— О, да, Левъ Николаевичъ—человѣкъ совѣта,—*L'hommel du conseil*,—пояснилъ свѣтскій Оболенскій.

— Я, собственно, хотѣлъ поговорить со Львомъ Николаевичемъ на счетъ его сочиненій. Вотъ онъ отрекся отъ литературной собственности и позволяетъ всякому печатать его послѣднія произведенія. Согласитесь, что это нераціонально. Начнутъ издавать всякіе издатели со своими вставками, описками и ошибками,—и черезъ нѣкоторое время мы не узнаемъ сочиненій Льва Николаевича. Потомство будетъ читать ихъ въ извращенномъ видѣ, и мысли нашего писателя получатъ совершенно иную форму, а иногда и смыслъ иной. Этого допустить не слѣдуетъ. Вотъ я и хотѣлъ предложить, чтобы онъ мнѣ передалъ право изданія.

Я улыбнулся.

— Что-жъ вы думаете, онъ не согласится?

— Кажется...

Послѣдовала неловкая пауза.

— А вотъ кстати,—вспомнилъ я,—Л. Н. получилъ отъ одного изъ вашихъ подписчиковъ письмо, въ которомъ онъ проситъ отвѣтить ему черезъ вашу газету.

И я передалъ ему содержаніе письма.

Суворинъ слушалъ, нагнувши низко голову, и чертилъ бывшимъ у него въ рукахъ зонтикомъ фигуры на снѣгу.

— Да, конечно,—началь онъ, когда я кончилъ,—это нѣсколько неудобная постановка вопроса. Но вы должны знать, что направленіе моей газеты...

— Какъ-же, знаю направленіе вашей газеты. Не знаю, только, чѣмъ вы сами объясняете свой походъ противъ евреевъ.

Суворинъ оживился, привсталъ и нервно, качая зонтикомъ въ рукѣ, быстро заговорилъ:

— Видите-ли, въ еврейскомъ вопросѣ я вовсе не придерживаюсь того взгляда, какой обыкновенно приписываютъ юдофобамъ. Я совершенно игнорирую религиозную сторону. По-моему, не вопросы вѣры создали еврейскій вопросъ и не вопросы вѣры разрѣшать его. Религія тутъ рѣшительно ни при чемъ.

Напротивъ, если-бы все затрудненіе еврейскаго вопроса заключалось въ религіи,—онъ давно былъ-бы рѣшенъ, какъ онъ рѣшенъ уже по отношенію къ караимамъ.

И законодательство, и общественное мнѣніе наше нисколько не настроено враждебно по отношенію къ еврейской религіи. Въ законѣ о караимахъ сказано, что имъ даются всѣ права, какъ истиннымъ евреямъ.

Вы видите, слѣдовательно, что не принадлежность къ еврейской вѣрѣ мѣшаетъ равноправію, а, напротивъ, истинные евреи удостоились одинаковыхъ съ кореннымъ населеніемъ правъ. — Итакъ религію надо исключить въ этомъ вопросѣ. Не придерживаюсь я также и экономического взгляда. Меня не пугаетъ призракъ пресловутаго эксплуататора-еврея. Это тоже слишкомъ раздуто, и вовсе не такъ страшно.

Сама по себѣ взятая, эта сторона еврейскаго вопроса настолько ничтожна, что врядъ-ли о ней кто-нибудь и говорилъ бы. Не евреи, такъ другіе пользовались-бы невѣжествомъ народа.

Родной русскій кулакъ въ деревнѣ еще болѣе страшень и паукообразень, чѣмъ пришлый еврей. Съ евреемъ въ деревняхъ крестьяне, особенно на югѣ, сживаются, и торговые интересы рѣдко вызываютъ крупныя недоразумѣнія; если это бываетъ, то въ этихъ случаяхъ всегда замѣшаны науськивающіе конкуренты-кулаки изъ русскихихъ. Я смотрю на еврейскій вопросъ

совершенно иначе. Не религиозная, не экономическая, а национальная сторона вопроса должна быть выдвинута на первый планъ. Та самая сторона, которую выдвинулъ и Петръ Великій.

Передъ нами двѣ націи. Одна старая, умная, выдавшая на своемъ вѣку и счастье, и горе; нація, выработавшая прочные устой семейные, религиозные; нація, крѣпкая своей внутренней солидарностью и, если хотите, нравственной чистотой,—да, я признаю это.

А съ другой стороны нашъ народъ, чуть-чуть зарождающійся, еле выходящій изъ пелень истории; народъ, не только не пережившій ничего, но еще мало испробовавшій; народъ свѣжій, мягкій, безъ устоевъ и значительно ниже стоящій по многимъ нравственнымъ качествамъ своимъ.—Ни семейныхъ, ни религиозныхъ основъ у него прочныхъ нѣтъ еще; вмѣсто солидарности царить непонятная чисто-дѣтская вражда, взаимная съ ненужнымъ ухарствомъ и бахвальствомъ; цѣли народныя не выяснены, міросозерпаніе не установлено...

И вотъ не угодно-ли,—при встрѣчѣ этихъ двухъ націй,—на чьей сторонѣ можетъ быть побѣда? Не надо быть особеннымъ пророкомъ и прозорливцемъ событий, чтобы предугадать печальный исходъ для слабой стороны.

Нашъ народъ не выдержитъ борьбы и поддастся.

Онъ утонетъ въ старомъ еврейскомъ морѣ и растворитъ въ немъ свою молодую, еще мало жившую душу.

Вотъ что опасно и вотъ чего боится всякое честное, русское сердце, содрогающееся при мысли о возможной гибели.—Я знаю, вы мнѣ скажете, что въ этомъ еще ничего страшнаго нѣтъ, что если еврейскій народъ чище и нравственнѣе русскаго, то кому отъ этого плохо будетъ, когда русскій народъ поддастся вліянію его и самъ сдѣлается чище и нравственнѣе. Я знаю это, но долженъ вамъ сказать, что народная жизнь еще болѣе щепетильна, чѣмъ жизнь отдѣльной личности, и не всякому приятно подражать. Русскій народъ желаетъ ше-

шествовать по своему пути и на этомъ пути хотѣлъ бы избѣжать чьихъ-бы то ни было вліяній, а тѣмъ болѣе еврейскихъ.

Таковъ мой взглядъ.

Весной, когда Левъ Николаевичъ, по пріѣздѣ своемъ, узналъ отъ меня объ этомъ взглядѣ, онъ улыбнулся и указалъ рукой на прудъ (мы тогда что-то работали съ нимъ около пруда).

— Вы видите эту мелкую рябь на водѣ, она чуть-чуть колыхаетъ верхній слой и нисколько не волнуется всю остальную воду. Такъ и мысли этихъ книжныхъ умниковъ.— Эти люди такъ же мало проникаютъ въ глубь народныхъ интересовъ, какъ эти мелкія извилины ряби въ водную толщу пруда.

Тамъ, въ высокихъ казармахъ душныхъ городовъ, идетъ у нихъ борьба съ измученнымъ еврействомъ, и жестокіе, они думаютъ втравить въ эту борьбу и умный добрый народъ нашъ, которому всегда были чужды злыя чувства нетерпимости къ другимъ. Эти желчныя публицисты и слушающіеся ихъ сухіе, тощіе, съ сухими душами чиновники думаютъ навѣять страхъ на народъ и пугаютъ людей евреями, какъ грозной силой.

Они думаютъ, что конкурирующій съ ними еврей-адвокатъ или врачъ такъ же страшенъ для народа, какъ и для нихъ, и что-то можетъ сдѣлать этой могучей твердынѣ; сильной и крѣпкой своимъ земельнымъ трудомъ, какъ и сама земля.

Пусть, идетъ сюда въ деревню это истомленное тысячелѣтнимъ гоненіемъ племя, для нихъ хватить здѣсь и мѣста, и ласки, и работы землепашца и ничего, кромѣ горячаго привѣта, они не увидятъ здѣсь отъ деревенскихъ людей. Повѣрьте, я живу въ деревнѣ съ малыхъ лѣтъ и живу въ старой, коренной русской деревнѣ, и никогда не наблюдалъ и не слышалъ, чтобъ въ комъ-нибудь изъ деревенскихъ клокотала ненависть къ евреямъ за ихъ вѣру или за ихъ національность. Напротивъ, о вѣрѣ еврейской и преданности этой вѣрѣ услышите отъ каждаго крестьянина самые лучшіе отзывы.

Здѣсь, въ Ясной жива еще и до сихъ поръ память объ одномъ работавшемъ на деревнѣ еврей, который по правиламъ религіи своей совершалъ омовенія на разсвѣтѣ и зимой бѣгалъ для этого на прудъ и окунался въ прорубь.

Поговорите съ нашими стариками о немъ, спросите Прокофія, Степана Рѣзунова, Егора—и вы услышите, какую благовѣйную, память по себѣ оставилъ у нихъ этотъ человѣкъ.

— «Вотъ израильтянинъ!»—говорятъ всѣ. И это чувство совершенно искренно и отражаетъ въ себѣ чувства всего народа нашего.

Наши деревенскіе люди не могутъ представить себѣ душевнаго состоянія людей, удерживающихъ цѣлый народъ въ тискахъ городской жизни и не дающихъ ему возможности поселиться на землѣ и начать работать единственную, свойственную человѣку земельную работу. Вѣдь это все равно, что не давать этому народу дышать воздухомъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, кому можетъ быть отъ этого плохо, кто можетъ пострадать отъ того, что евреи поселятся въ деревняхъ и заживутъ чистой трудовой жизнью, о которой, вѣроятно, уже истосковался этотъ старый, умный и прекрасный народъ, этотъ великій непротивленецъ міра и мученикъ за вѣру.

Да, за вѣру, и только за нее. Пусть не скрываютъ этого лицемѣры нашихъ дней, вродѣ публициста, пріѣзжавшаго сюда, — пусть не заворачиваютъ они гоненія евреевъ въ тряпки разныхъ вымысловъ и дутыхъ ужасовъ. Евреевъ гонять только за вѣру. Ибо стоитъ еврею сложить три пальца (Л. Н. сдѣлалъ извѣстный знакъ), и ему предоставляются всѣ права, въ томъ числѣ и право селиться на землѣ и заниматься работой.

И до тѣхъ поръ, покуда это будетъ такъ, останется невытравленнымъ черное пятно религіознаго гоненія, которымъ омрачили себя люди, къ сожалѣнію называющіе себя христіанами.

Религіозное гоненіе?!.—Было-ли когда-нибудь болѣе кощунственное, чѣмъ это въ основѣ своей глубоко противорѣчивое выраженіе? Религія исключаетъ ненависть и гоненіе, потому что первое движеніе души человѣка, въ которомъ проснулось религіозное чувство,—это сознаніе власти надъ собой высокой силы, призавшей его къ жизни и желающей блага, всему живому. Какъ же можетъ эта религіозная душа имѣть въ себѣ ненависть и воздвигать гоненія изъ-за этой ненависти, т.-е. дѣлать дѣло какъ разъ обратное тому, чего требуетъ отъ насъ Богъ? Очевидно, что этого не должно быть, и люди, дѣлающіе это, мертвы еще и не родились къ вѣрѣ.— Нѣтъ! Отъ всей души хотѣлось бы сказать людямъ, что, создавая еврейскій вопросъ, они совершаютъ огромный грѣхъ. Въ народныхъ спорахъ, а въ особенности по отношенію къ зависимому народу, слѣдуетъ прежде всего убрать съ дороги всякія давленія угнетенія и всевозможныя лишенія правъ.

Это прежде всего!..

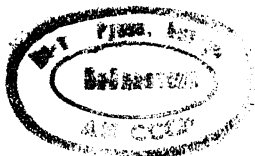
СІОНІЗМЪ.

Левъ Николаевичъ шель по парку, совершая свою утреннюю прогулку, и нарочно избѣгалъ тропочекъ и натоптанныхъ мѣстъ. Онъ шель быстро (я едва поспѣвалъ за нимъ) и напроломъ, умѣло лавируя между деревьями и ловко во-время нагибаясь подъ вѣтками тѣсно сгрудившихся высокихъ липъ, съ ихъ задумчиво нависшими шапками густой листвы, отъ которой исходила благоговѣйная тѣнь и тихая прохлада.

Бесѣда сначала шла о клерикализмѣ во Франціи, а потомъ незамѣтно перешла на сіонизмъ.

— Это движеніе,—сказалъ Левъ Николаевичъ, когда мы вышли на поляну,—всегда интересовало меня не тѣмъ, что оно даетъ народу своему выходъ изъ тягостнаго положенія,—выхода этого оно не даетъ ему,— а тѣмъ яркимъ примѣромъ огромнаго вліянія, которому могутъ поддаться иногда много пережившіе люди и испытавшіе въ своей жизни всю тщету извѣстной за-тѣи.— На нашихъ глазахъ старый, умный и многоопытный народъ, давно переболѣвшій одной изъ ужасныхъ болѣзней человѣчества,—теперь вновь заболѣваетъ ею. Въ немъ вновь заговариваетъ жажда государственности и недоброе желаніе править и играть роль. Вновь хочется обзавестись всей этой бутафоріей внѣшняго націонализма, съ ея войсками—знаменами и собственной формулой на заголовкахъ приговоровъ суда. Мнѣ кажется однако что лишь меньшинство охвачено этой мрачной страстью, ведущей къ вѣрной гибели путемъ раззора и истощенія и неизбѣжной остановки свѣтлой работы духа, напрасно волнуемаго тревожными желаніями насилій и захвата.—Я думаю, что этой болѣзнию

«возрожденія», а въ сущности вырожденія заболѣли только краевые стебли народной нивы, наиболѣе слабая и податливая часть народа, любящая умствовать и завидующая ложному блеску европейскихъ націй.

Вожди движенія, сами не сознавая, впади въ ужасный грѣхъ отдѣленія себя отъ другихъ и нарочито утрамбовываютъ этотъ грѣхъ въ сознаниіи людей, которымъ они представляютъ это дѣло совсѣмъ не въ томъ видѣ, какой оно на самомъ дѣлѣ имѣеть.

Они все время твердятъ, что сіонизмъ,—это прогрессивное движеніе народнаго духа, желающаго сбросить наконецъ оковы плѣна и дать возможность народу жить свободной самостоятельной жизнью на святыхъ холмахъ старины, гдѣ погребено ихъ великое прошлое. Кажется, вы сами мнѣ рассказывали о томъ проповѣдникѣ, который въ Тулѣ, въ синогогѣ, билъ себя въ грудь и, рыдая, звалъ людей въ Палестину и говорилъ. «Мы тамъ увидимъ камень, на которомъ сидѣлъ Іаковъ, и будемъ топтать дорогу, по которой ходилъ Авраамъ. Это будить чувства наши!»

Но въ томъ-то и ужасъ весь, что движеніе это и не прогрессивно, и не народно, и не будить никакихъ чувствъ.

Камень Іакова или тропинка Авраама—это такія далекія для духа вещи, которыя не могутъ поднять народъ и дать ему страннической посохъ въ руки. Народъ не археологъ, и для раскопокъ онъ не двинется 10-тимилліонной ордой съ привычныхъ мѣстъ, гдѣ уже многія поколѣнія живутъ, и гдѣ онъ чувствуетъ себя болѣе роднымъ, чѣмъ среди камней Іакова и тропинокъ Авраама. Это видно на тѣхъ, которые уѣзжаютъ въ Америку и потомъ не выносятъ мукъ разлуки и, страдавшіеся и истомившіеся, возвращаются опять и цѣлуютъ землю родины, черную землю той самой Россіи, которую они все-таки любятъ, несмотря на то, что желчные притѣснители до потери совѣсти и стыда стараются создать здѣсь изъ жизни евреевъ полу-адъ мученій.

Наконецъ, если бы память о святыняхъ Палестины была дѣйствительно такъ сильна и жажда жить тамъ была бы такъ присуща еврейскому народу, то, Боже мой, сколько случаевъ было за всѣ эти 1800 лѣтъ вернуться туда и опять зажечь на старыхъ мѣстахъ.

Но народъ сознательно не желалъ этого, какъ онъ не желаетъ этого, впрочемъ, и теперь. Да, и поэтому я и считаю сіонизмъ не народнымъ. Истинная глубина еврейскаго духа противъ обособленнаго территориальнаго отечества.

Онъ не хочетъ старой игрушки государства и разъ навсегда отказался отъ нея.—Я не могу безъ умиленія вспомнить прекрасное сказаніе объ одномъ еврейскомъ мудрецѣ время паденія Іерусалима. Онъ оказалъ большую услугу Веспасіану, и тотъ предложилъ ему просить все, что угодно,—онъ все исполнитъ. Казалось-бы былъ прекрасный случай просить о снятіи осады и возвращеніи прежней свободы для страны. Но мудрецъ сказалъ:

— Позволь мнѣ съ учениками моими удалиться въ городъ Ямнію и основать тамъ школу для изученія Торы.

Дикъ и страненъ былъ этотъ отвѣтъ мудреца для озвѣрѣлаго въ походахъ и рѣзнѣ римлянина.

Но это былъ сознательный, высокой силы и красивый отвѣтъ всего народа.

Мудрецъ вѣрно понялъ сокровенную тайну духа его и требовалъ малаго на видъ. Это малое было то горчичное зерно, которое меньше всѣхъ, но которое на самомъ дѣлѣ даетъ знакъ размѣромъ большій всѣхъ.

Этотъ добровольный удѣлъ мудреца,—эта мѣна тлѣна на духовное,—есть наиболѣе величественный моментъ въ исторіи еврейства, моментъ еще недостаточно оцѣненный и, можетъ быть, еще даже не использованный самимъ народомъ.

И народъ это чувствуетъ, и всѣми силами противится, не желая ринуться въ старую авантюру, чуждую его душѣ.

Не земля, а книга сдѣлалась его отечествомъ. И это одно изъ великолѣпнѣйшихъ зрѣлищъ въ исторіи, лучшее призваніе, какое только можетъ пожелать себѣ человѣкъ.—Погруженный въ эту книгу,—онъ не замѣтилъ какъ надъ его головой прошли вѣка, толпились и сметались народы съ лица земли, какъ новыя страны были открыты и паръ заклокоталъ на землѣ, а черный ѣдкій дымъ фабричныхъ трубъ заслалъ ясное небо для людей, въ слѣпотѣ разгуливающихъ подъ густою сѣткой проволоки, по которымъ нѣмая, но жестокая сила натираемаго янтаря разноситъ вѣсти одна другой жестоке, одна другой кровавѣе и безумнѣе, какихъ еще никогда не слышалъ міръ.

Этотъ шумъ каскадомъ несущейся въ пропасть культуры, разжигающей въ людяхъ только жалкія хотѣнія ничтожныхъ удобствъ, не коснулся ушей великаго странника, занятаго чтеніемъ великой книги. И только ѣдкая пѣна брызжущаго каскада силится захлеснуть святыя страницы и покрыть ихъ ржавыми пятнами на смѣшки и невѣрія.

А вожди сіонизма еще помогаютъ работѣ этой пѣны, величественно игнорируя религіозный вопросъ и выставляя на видъ одну только эмиграцію и политику, политику и эмиграцію.

— Соберемся раньше со всѣхъ сторонъ,—говорятъ они,—а потомъ и религію выработаемъ.

Это столько же неестественно и неумно, сколько и не народно, и именно по отношенію къ евреямъ. Вспоминается великолѣпная глава Второзаконія, гдѣ, послѣ громовыхъ словъ о проклятіи и благословеніи, молодой духъ нарождающагося народа проникновенно говоритъ слова глубокаго значенія: «Когда придутъ на тебя всѣ слова сіи—благословеніе и проклятіе, и примешь ихъ къ сердцу своему среди всѣхъ народовъ, въ которыхъ разсѣтетъ тебя Господь, и обратишься къ Господу Богу твоему и послушаешь гласа Его, ты и сыны твои отъ всего сердца твоего и отъ всей души твоей,—тогда Господь Богъ твой возвратитъ плѣнныхъ твоихъ и уми-

лосердится надъ тобою и опять собереть тебя отъ всѣхъ народовъ, между которыми разсѣетъ тебя Господь Богъ твой и приведетъ тебя въ землю, которую владѣли отцы твои и т. д.»

Вотъ чаяніе народа.

Прежде обратиться къ Богу, а Богъ уже самъ сдѣлаетъ Свое дѣло и дастъ народу мѣсто и облагодѣтельствуетъ его болѣе, чѣмъ отцовъ.

Вожди сіонизма разсуждаютъ иначе.

Они какъ-бы помѣнялись ролями съ Богомъ. Они хотятъ собрать евреевъ отъ всѣхъ народовъ въ страну отцовъ, а тамъ уже Богъ позаботится о томъ, чтобы народъ обратился сердцемъ къ Нему.

И Богъ говоритъ имъ:

— Попробуйте. Сдѣлайте Мою работу.

И отворачивается отъ нихъ.

И вотъ, въ тѣни Божьяго участія возникаютъ дѣтскіе колониальные банки, игрушечные конгрессы съ малыми и большими *comites*, которые, никѣмъ не уполномоченные, ведутъ никому ненужные переговоры о дѣтскихъ хлопושкахъ вродѣ чартера и милостей султана. Народъ видитъ всю тщету этихъ затѣй и тоже отворачивается отъ этого движенія. Не Божье оно дѣло, слишкомъ много въ немъ человѣческаго, надуманнаго, рецептурнаго.

Вотъ почему, я слышу, раздаются даже проклятія среди раввиновъ, осуждающія сіонизмъ, какъ чуждое народу ученіе и грозящее ему большимъ несчастьемъ.

И, право, несмотря на то, что это говорятъ ортодоксы, обыкновенно занимающіе темную позицію въ духовныхъ вопросахъ, но здѣсь еврейская ортодоксія стоитъ на твердой почвѣ, и ея сопротивленіе вполне законное.

Обычное мнѣніе, будто сіонизмъ содѣйствуетъ подъ ему національнаго самосознанія (такъ любятъ пышно выражаться адепты этого ученія), на самомъ дѣлѣ, какъ оказывается, не оправдывается. Истинно національнаго въ немъ ничего нѣтъ. Интересуясь этимъ вопросомъ, который пресса взбиваетъ, какъ женщины взбиваютъ

бѣлокъ въ высокую, пышную пѣну, я просматривалъ нѣкоторыя сіонистскія изданія съ старой эмблемой въ видѣ двухъ переплетшихся треугольниковъ. Въ одной изъ этихъ книжечекъ мнѣ попало изображение маленькой дѣвочки съ милымъ, круглымъ лицомъ и съ пухлыми ручками, сложенными на груди. Глазки молитвенно смотрятъ вверхъ и бесѣдуютъ съ Богомъ въ синевѣ небесъ.

Подъ этой картиной можно было бы смѣло подписать «Pater poszter», «Vater unser», «Отче нашъ», и вообще какой угодно европейскій переводъ знаменитой молитвы Христа, потому что лицо дѣвочки, — выхоленное, изнѣженное, круглое со всѣми наслѣдственными признаками арійской расы, населяющей Европу, и меньше всего похоже на еврейское дитя. Между тѣмъ, подъ картинкой надпись: «Ma tovu», т. е. первая слова утренней еврейской молитвы. Въ этой маленькой фальши ярко отразилась вся неудачливость націоналистической окраски, въ которую рядится сіонизмъ. Онъ самъ кость отъ кости и плоть отъ плоти современнаго европеизма его изнѣженное слабое дитя, подражающее игрѣ старшихъ, создающихъ карточные домики государствъ, а, на головѣ повязка съ надписью изъ еврейскихъ буквъ.

Не глубокое море народности, не высокой пробы націонализмъ!

Но еще менѣе въ этомъ движеніи, скроенномъ на еврейскій манеръ, передового духа, нѣтъ характера прогресса, о которомъ такъ рѣчисто говорятъ на конгрессахъ.

И это поражаетъ больше всего.

Если вожаки сіонизма, вообще люди чуткіе и умные, но далеко отъ народа своего, не могли создать здороваго народнаго движенія, то ихъ въ этомъ винить нельзя. Они желаютъ что-то сдѣлать, но не въ состояніи. Если же эти самые люди, при всей своей чуткости ко всему передовому и выдающемуся, не уразумѣли того, чѣмъ дѣйствительно движется высшая жизнь Европы и чѣмъ такъ сильны верхи европейскаго ума, — то этого ужъ

имъ простить никакъ нельзя. Повѣривъ, будто сила Европы въ ея государственности, т. е. пушечной силѣ со всѣми ужасами сопутствующаго ей милитаризма,—они надумали и своего старца нарядить въ доспѣхи война и дать ему штуцеръ въ руки. Захотѣлось создать новое *Judenstaat*. Вѣдь теперь все лучшее въ Европѣ, да и въ Америкѣ, все думающее сколько-нибудь правдиво и искренно,—все это до глубины души возмущается безуміемъ и ужасомъ этой пучины, куда, очертя голову, летитъ кубаремъ одичалое человѣчество, называемое цивилизованнымъ.

Все свѣтлое, умное и не поработенное страхомъ и деньгами,—всѣми силами старается образумить людей и напоминать имъ, что вовсе не силой пушечной государственности сильно человѣчество и не въ страсти обособляться и жить въ чуланчикахъ будущее для людей. Истинно передовое, истинно прогрессивное видитъ счастье людей какъ разъ въ обратномъ, въ широкомъ единеніи и въ полномъ отсутствіи пушекъ и мортиръ и тѣхъ групповыхъ соединеній, которыя теперь только и держаться силою мортиръ и губять этимъ жизнь людей. Противъ обособленной государственности вся разумная работа разумной части человѣчества. А они хотятъ дать жизнь ветшающему старью и называютъ такое дикое стремленіе прогрессомъ.

Это крупный грѣхъ. Это граничить съ хулой на самое святое, что есть теперь въ жизни у насъ.

Не государства намъ новыя нужны, а любящіе люди, видящіе въ любви своей призваніе жизни и служеніе Богу.

Грѣхъ ковать новые мечи и сѣять между людьми вражду и ложь. А называть этихъ кроваво-красныхъ кузнецовъ людьми, служащими прогрессу, двойной грѣхъ.

Еще можетъ быть извиненіе людямъ, живущимъ въ старомъ строѣ и по слабости не умѣющимъ сбросить въ себя это тяжелое иго вооруженнаго общежитія; еще можетъ быть споръ и колебаніе у человѣка,

приросшаго больнымъ мѣстомъ къ привычнымъ, хотя и вреднымъ и ужаснымъ порядкамъ жизни, — какъ привыкають ляди къ своимъ ранамъ и тяжелымъ затяжнымъ недугамъ, но нарочито, наново, сознательно, съ горделивой бравадой и захлебывающимся волненіемъ начать постройку стараго ужаса и надѣть на цѣлый народъ подъ видомъ освобожденія тѣсный, жмушцій и усѣянный иглами хомуть обособленной государственности, — это ужасно, этому имени нѣтъ! это гибель лучшихъ надеждъ и поруганіе лучшихъ святынь народа. — Что соблазнило ихъ, что имъ понравилось въ этомъ націоналистическомъ, а въ сущности пушечно-солдатскомъ движеніи среди европейскихъ народцевъ, которымъ вожди сіонизма, очевидно, стараются изъ всѣхъ силъ подражать? Игрушечная свобода Сербіи, гдѣ слово австрійскаго посланника больше значить, чѣмъ указы короля, и гдѣ на самомъ дѣлѣ вся свобода сводится къ безконечной рѣзнѣ и интригамъ между партіями и въ концѣ концовъ къ разору крестьянства и истощенію земли, обремененной налогами для содержанія огромной оравы чиновниковъ и бутафорскаго войска, котораго можетъ хватить на два-три залпа небольшой батареи. Это имъ нравится? Или кажущаяся свобода Болгаріи, которая вылѣзла изъ кулъка Стамбула и попала въ рождку Стамбулова, и которая тоже раздираемая смутами изъ-за временныхъ царьковъ, не нынче-завтра попадетъ къ кому-нибудь въ ротъ? Или Румынія, Македонія, Черногорія, Критъ, Греція, — что нравится сіонизму? Я не говорю уже объ Италіи, Франціи, Англии, Германіи, и странахъ еще ближе къ намъ, — гдѣ тоже стонъ стоитъ подъ небомъ отъ растерзываемаго тѣла народовъ, дичающихъ и переходящихъ въ нищенство благодаря разору вооруженія и организаци. Эти народы, предчувствуя наступающее нищество, набросились теперь на дальнія страны мирныхъ «некультурныхъ» людей и хищнически стремятся забрать у нихъ все, что можно, и безсовѣстно поработить ихъ, какъ это мы видимъ въ Индіи, Африкѣ, Китаѣ...

Да что говорить!.. У кого только глаза открыты и умъ не ослѣпленъ,—тотъ ясно видитъ грозящее вырожденіе людей и полное оцѣпененіе ихъ духовной жизни, если кровавадный призракъ обособленнаго господства не будетъ разсѣянъ силою разумной работы искреннихъ, правдивыхъ людей. Никогда еще челоуѣчество не было близко къ такому поголовному истребленію и полному уничтоженію, какъ теперь, и никогда еще не было оно такъ удручено духомъ, благодаря сознаваемой ненужности и безцѣльности этихъ колоссальныхъ затратъ на колоссальное безуміе.

И этому содѣйствовать?! Сюда направлять работу людей и уговаривать ихъ тоже громоздить на безуміе?!..

Гдѣ-же глаза сіонистовъ? Гдѣ ихъ совѣсть?

То здоровое зерно переселенческаго движенія которое стремится разрѣдить скученность евреевъ и вернуть ихъ къ давно забытому земельному труду, — это несомнѣнно чистое и прекрасное движеніе, которое теперь сіонисты выдаютъ за свое, вовсе не принадлежитъ сіонизму. Стремленіе къ колонизаціи было и раньше,—сіонизмъ только дерзко узурпировалъ его и придалъ ему несвойственную и ненужную ему политическую окраску и этимъ совершенно затормозилъ возвратъ евреевъ къ землѣ. Былъ раздутъ призракъ еврейскаго гобударства, который напрасно только осложнилъ простое и ясное само по себѣ желаніе людей уйти изъ городовъ и взяться за единственно-свойственную всѣмъ намъ здоровую, живую и честную Божью работу—земельную. И призракъ этотъ отбилъ охоту содѣйствовать переселенческому движенію у народовъ Европы и отбилъ охоту участвовать въ этомъ движеніи у самихъ евреевъ. Слишкомъ рискованна авантюра и слишкомъ грозна будущность...

Колонизація євреїв.

Лѣтомъ 1894 г. получилъ я въ Полтавѣ такое письмо:
„Многоуважаемый И. Б.! Пишущій эти строки ѣздилъ по порученію редакціи „Восхода“ въ Ясную Поляну совмѣстно съ американскимъ проповѣдникомъ д-ромъ Іосифомъ Крауснопомъ. Д-ръ К. желалъ выслушать мнѣніе графа Льва Николаевича по вопросу о евреяхъ, вообще, и о возможности ихъ колонизаціи въ предѣлахъ Россіи, въ частности. Л. Н. отнесся очень сочувственно къ проэку д-ра К., внимательно выслушалъ нѣкоторыя указанія, сдѣланныя мною, и обѣщалъ спеціально написать по этому вопросу. Между прочимъ Левъ Ник. снабдилъ д-ра К. письмомъ къ вамъ, какъ къ убѣжденному стороннику идеи колонизаціи. Но, къ сожалѣнію, д-ру К. никакъ не удастся устроиться такъ, чтобы при поѣздкѣ по югу Россіи побывать въ Полтавѣ. Завтра утромъ мы ѣдемъ въ Александровскъ, чтобы осмотрѣть еврейскія колоніи Александровскаго уѣзда, а отсюда д-ръ К. поѣдетъ въ Одессу; нельзя-ли какъ-нибудь вамъ, многоуважаемый И. Б., выѣхать либо въ Александровскъ, либо въ Обессу и прѣварительно увѣдомить о томъ д-ра Крауснофа по телеграфу? Докторъ охотно бы съ вами побесѣдовалъ, но ему невозможно измѣнить свой маршрутъ, къ тому же въ Александровскѣ я съ нимъ расстаюсь и уѣзжаю обратно въ С.-Петербургъ, такъ что ему труднѣе будетъ ориентироваться. Итакъ, сообразите, поскольку осуществима такая встрѣча, и сообщите о вашемъ рѣшеніи. Съ истиннымъ почтеніемъ Л. Брамсонъ“.

Меня обрадовало это письмо не тѣмъ, что въ Россію пріѣхалъ американецъ и что-то хочетъ сдѣлать для

евреевъ,—меня порадовало то, что Левъ Николаевичъ сталъ близокъ къ дѣлу колонизаціи, и что, можетъ быть, теперь, наконецъ, это святое дѣло приметъ радостный, высокій оборотъ.—Я тотчасъ отправилъ ему письмо съ запросомъ объ американцѣ, о томъ, стоитъ ли къ нему ѣхать. Левъ Николаевичъ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

„Американецъ-еврей, проповѣдникъ, пріѣхалъ ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы русскимъ евреямъ отвели землю для колонизаціи въ Россіи. Они же въ Америкѣ соберутъ капиталы для обустройства этихъ колоній и пришлютъ руководителей. —Планъ хорошъ, но сомнительно, чтобы правительство согласилось. Все-таки я имъ выразилъ свое полное сочувствіе и далъ записку къ вамъ, думая, что вы можете ему дать хорошій совѣтъ. Ѣхать вамъ къ нему не стоитъ. Человѣкъ совсѣмъ чуждый по духу. Онъ оставилъ мнѣ книжку своихъ проповѣдей, въ одной изъ которыхъ доказывается, что не слѣдуетъ подставлять другую щеку и отдавать кафтанъ, а слѣдуетъ показать кулакъ и кнутъ, чтобы васъ не ударили еще и не взяли кафтанъ.

Прощайте пока, привѣтъ нашимъ друзьямъ. Любящій васъ *Л. Толстой*“.

Такъ я и не поѣхалъ къ американцу. Миссія его, какъ извѣстно, не увѣнчалась успѣхомъ, и это огорчило Льва Николаевича.

— Что-то возмутительно-нелѣпое,—сказалъ онъ,—лежитъ въ этомъ дикомъ упрямствѣ одичавшаго чиновничества, которое со свирѣпой послѣдовательностью мучить и угнетаетъ уже и такъ измученный еврейскій народъ. Что мѣшаетъ этимъ бумажнымъ департаментамъ Петербурга дать возможность истомленному народу вновь взяться за свою старую, давнюю и такъ глубоко чтимую имъ земельную работу. Вѣдь важно только отвести какой-нибудь уголь или, не отводя угла, просто разрѣшить повсемѣстное селеніе въ деревняхъ земледѣльцамъ-евреямъ, и окоченѣвшіе ноги засидѣвша-

гося на корточкахъ народа выпрямятся, и онъ снова оживетъ. Но наши приказывающіе люди, отдавшіе своей страсти приказывать не любятъ разрѣшеній. Они скорѣе согласились бы снова возродить къ жизни насильственное переселеніе евреевъ на землю съ палочными надзирателями какъ это было при Аркачеевѣ и при Фараонахъ въ Египтѣ,—чѣмъ убрать на время свои когти запретовъ и исключеній.

Но будетъ часъ,—и вы увидите, какъ все пойдетъ по-иному. Уже черезчуръ устали мы отъ ужасовъ приказа.

ЕВРЕЙСКІЯ ЛЕГЕНДЫ

Пролитая кровь.

П. П. Т.

Въ первые годы нашего знакомства (это уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ) Л. Н. сильно увлекался еврейской литературой и усердно читалъ все, что касалось библіи и талмуда, и въ особенности очарованъ былъ волшебнымъ міромъ древнихъ легендъ, полныхъ свѣтлаго, лучистаго вдохновенія.

— Въ нихъ есть что-то, — говорилъ онъ, — необыкновенно мягкое и трогательно-величественное, какъ розовая заря въ тихое утро. И что болѣе всего дорого въ нихъ — что постоянство вѣчной темы о вѣчныхъ тайнахъ души человѣка. И какъ близко тутъ христіанство, — какъ небо на горизонтѣ отъ земли — вотъ-вотъ, кажется, рукой подать!..

И Левъ Николаевичъ, читая легенды по различнымъ переводнымъ сборникамъ, обрабатывалъ сказанія въ христіанскомъ духѣ и, помню, часто дѣлился со мной набѣгавшими яркими образами старины, освѣщенными кроткимъ свѣтомъ новаго ученія, которому Л. Н. предался всей душой, и которымъ онъ такъ мастерски умѣетъ заразить и чужую душу.

— Эти забытыя легенды — это синѣющее тихое море поэзіи съ уединенными берегами, отъ которыхъ давно ушелъ океанъ, но которое мѣстами сохранило еще узкія ленточки проливовъ, заросшимъ кустарникомъ забвенья. Вотъ, напр., одна изъ такихъ легендъ, легенда о пролитой крови.

Когда царь Навуходоносоръ взялъ Іерусалимъ и вступилъ въ храмъ, его привели въ палату священниковъ.

Царь въ ужасѣ отпрянулъ и остановился у входа.

На полу, подобно горячей водѣ въ котлѣ кипѣла кровь и бурлила, вздымаясь пышной розовой пѣной.

Царь опянилъ Навуходонусора, и онъ, какъ прикованный, не двигался съ мѣста.

— Это жертвенная кровь воловъ, барановъ и овецъ, — смущенно встали священники.

Царь велѣлъ зачерпнуть изъ большого жертвенника ковшъ крови и сравнилъ,

Кровь не походила на ту, что кипѣла на полу. Навуходоносоръ воспылалъ гнѣвомъ и закричалъ:

— Скажите-ли вы мнѣ, что это за кровь, или я сдеру съ васъ мясо желѣзными гребнями и трупы брошу на съѣденіе хищнымъ птицамъ!..

Испугались священники.

— Помилуй, государь! Мы откроемъ тебѣ всю истину. Жилъ среди насъ священникъ Захарія, и праведной жизни онъ былъ человекъ. Голосомъ, подобнымъ прибою морскому, онъ звалъ людей на служеніе Богу и громомъ громилъ наши недуги, предсказывая пожары, моръ и рабство. Все, что сбылось теперь. Но встала на него злоба людей, и его убили. Его закололи здѣсь въ храмѣ Божіемъ, предъ алтаремъ, въ то самое время, когда проповѣдь лилась изъ устъ его. И вотъ, съ тѣхъ поръ кровь товарища нашего кипитъ и вопіетъ къ небу о мщеніи и обвиняетъ убійцъ предъ праведнымъ престоломъ Бога.

— О, если такъ, — воскликнулъ царь, — то я умиротворю и искуплю, и успокою ее.

И онъ велѣлъ зарѣзать всѣхъ священниковъ надъ кипящей кровью пророка.

Кровь продолжала кипѣть и не успокаивалась.

Разгнѣвавшись, царь велѣлъ зарѣзать на томъ же мѣстѣ еще множество учениковъ школь и маленькихъ дѣтей.

Но кровь продолжала кипѣть и не успокаивалась.

Тогда онъ собралъ тысячи прекрасныхъ юношей и дѣвицъ, зарѣзалъ ихъ всѣхъ на одномъ камнѣ и смѣшалъ ихъ кровь съ кровью пророка.

Кровь продолжала кипѣть и не успокоивалась.

— Захарія! Захарія! — воскликнулъ тиранъ. — Неужели тебѣ еще мало? Хочешь-ли ты, чтобы я уничтожилъ всю Іудею?

Кровь продолжала кипѣть и не успокоивалась.

— Горе мнѣ, горе мнѣ! — схватился за голову царь. — Если за кровь одного человѣка должно столько людей пострадать, то что жъ ожидаетъ меня, пролившаго кровь десятковъ и сотенъ тысячъ людей?

И неудержимо одна за другой хлынули слезы изъ глазъ.

Онъ плакалъ и билъ себя въ грудь.

И какъ только первая капля слезы, скатившись со щеки, упала на землю и смѣшалась съ кровью пророка, — кровь перестала кипѣть и успокоилась.

Въ погромные дни.

Это было въ 85 г., когда были еще свѣжи въ памяти ужасы пережитыхъ погромовъ. И вотъ, какъ-то разъ, читая сборникъ старыхъ еврейскихъ легендъ, которыми Л. Н. очень увлекался въ то время, онъ указалъ на одну изъ нихъ:

--- Какая это тонкая и богатая чувствомъ вещь!.. «Плачь патриарховъ» называется и какъ подходитъ къ погромнымъ днямъ. Я ее такъ бы пересказалъ.

И глубокіе глаза его оживились огнемъ вдохновенія. То поглядывая въ книгу, то отрываясь отъ нея, онъ началъ:

— И было... Въ эти новые, черные дни кровавыхъ ужасовъ стонъ народа дошелъ до престола Всевышняго и отозвался въ чертогахъ Неба скорбнымъ воплемъ:

— Иеремія, Иеремія!.. Иди и возвѣсти патриархамъ о горѣ народа, вызови ихъ изъ могилъ, пусть подымутъ плачь и сѣтованіе, ибо они умѣютъ плакать и молиться.

И вотъ, послушный голосу, вздыхая, блуждаетъ печальный пророкъ по грустнымъ берегамъ Иордана и громко зоветъ:

— О, Моисей, о сынъ Амрама! Встань изъ гроба твоего и посмотри на стадо твое. Въ далекихъ степяхъ обширной страны оно снова въ рабствѣ, какъ было въ дни твои. Его сдавили тѣснымъ кольцомъ униженія, и всякій топчетъ его тяжелой пятой своей, думая, что онъ этимъ дѣлаетъ угодное Создателю. Стаи обезумѣвшихъ и напоенныхъ налетаютъ на дома дѣтей твоихъ, грабятъ и убиваютъ всѣхъ, а женъ и дочерей обезчещиваютъ... И трепеть обуялъ народъ твой, и истаиваніе очей стало удѣломъ его, о Моисей, Моисей!..

Крикъ ужаса и скорби вырывается изъ груди Моисея, и онъ спѣшитъ сообщить ужасную вѣсть патриархамъ.

И, собравшись, садятся всѣ они на обломки храма и плачутъ, и сѣтуютъ, и небо покрывается печалью.

Со слезами на глазахъ, въ разодранной одеждѣ, съ пепломъ на головѣ является Авраамъ передъ Богомъ и молить:

— Боже великій! За что приуготовилъ ты дѣтямъ моимъ столько страданій и позора?

И вмѣстѣ съ Авраамомъ сѣтуютъ и скорбятъ ангелы.

Но Небо молчитъ, и предвѣчный судья безмолвенъ.

— Быть можетъ,—продолжаетъ свое сѣтованіе Авраамъ,—дѣти мои согрѣшили, нарушили законъ святой? Такъ пусть же сама Тора свидѣтельствуетъ противъ нихъ!..

И, сверкая въ небесномъ сіяніи, показалась лучезарная Тора.

— Дочь моя!—возопилъ Авраамъ.—Вспомни: отверженная всѣми племенами земли, ты была принята только моими дѣтьми. Можешь-ли ты теперь, въ дни ихъ печали и скорби, свидѣтельствовать противъ нихъ?

Тора безмолствовала.

— Пусть выступаютъ отдѣльныя буквы Торы, пусть они свидѣтельствуютъ противъ сыновей моихъ!..

Но молчали и буквы Торы.

— Владыка міра! — взмолился тогда Авраамъ. — Вспомни вѣрность мою тебѣ и сжался надъ дѣтьми моими. Я оставилъ по зову твоему домъ отца моего, блуждалъ и странствовалъ по дикимъ пустынямъ и безлюднымъ горамъ, чтобы дѣти мои имѣли свой кровъ и пристанище тихое... И ты обѣщаль мнѣ. Ты говорилъ... Такъ вспомни, Боже, и яви теперь благодать свою.

Ликъ Вседержителя былъ грустенъ и суровъ.

Явился патріархъ Исаакъ:

— По велѣнію Отца моего, великій Боже, и по волѣ Твоей я склонилъ выю подъ ножъ на горѣ и теперь молю Тебя, сними ножъ съ выи дѣтей моихъ. Освободи отъ мученія ихъ.

Ликъ Вседержителя былъ грустенъ и суровъ.
Яковъ вопилъ:

— Жестокія страданія претерпѣвалъ я всю жизнь и братъ мой Исавъ меня гналъ и преслѣдовалъ. Но я переносилъ все это ради блага дѣтей моихъ, чтобы ихъ никто не гналъ и не преслѣдовалъ. Я оберегалъ ихъ, какъ птица оберегаетъ птенцовъ своихъ, и всю любовь и нѣжность мою отдалъ имъ. А теперь бѣдныя дѣти мои томятся въ далекой странѣ, и люди съ жесткими сердцами сыплютъ на головы ихъ кары и ужасы... Молви свое слово, Господи, и отведи горе отъ нихъ!..

Моисей взмолился:

— Господи! Сорокъ лѣтъ былъ я по волѣ Твоей отцомъ и пастыремъ этого народа, сорокъ лѣтъ блуждалъ я, подобно коню, въ пустынѣ и на порогѣ обѣтованной земли, послушный голосу Твоему, я оставилъ бrenную жизнь на землѣ, но я вѣрилъ и надѣялся, что народу будетъ хорошо, что благо и счастье будутъ удѣломъ жизни его... А теперь... теперь онъ разсѣянъ, разгромленъ, разбитъ. И хищники со смѣхомъ дѣлятъ добычу свою... Доколѣ же, Господи?!

И дрогнуло безмолвіе Вѣчности и засіяло великое сіяніе въ небѣ. И изъ лучей загремѣлъ всеисильный голосъ:

— Спасеніе близко!..

УПОЕНИЕ СМЕРТЮ.

Когда стали извѣстны страшныя подробности трагедіи, совершившейся въ терновскихъ плавняхъ, гдѣ «трусами» сектанта Ѳедора Ковалева были заживо похоронены въ склепѣ и мужчины и женщины, — Левъ Николаевичъ, потрясенный и взволнованный сказалъ:

— Это ужасно, но трудно оторваться отъ приковывающей мысли... Здѣсь есть что-то примиряющее, вдѣсь есть какое-то искупающее упоеніе смертью. При всей мрачности этого ужаса, отъ него вѣетъ такой тишиной, такимъ спокойствіемъ.. И, странная вещь, всѣ поражены, всѣ считаютъ это чѣмъ-то неслыханнымъ и думаютъ, что никогда этого не было. Между тѣмъ возьмите старину, возьмите сохранившуюся легенду о смерти ветхозавѣтнаго Аарона и вы увидите, какъ все повторяется.

Смерть Аарона по этой легендѣ тоже была похожа на смерть терновскихъ мучениковъ.

Вотъ эта легенда.

Моисей получилъ повелѣніе, отъ Бога извѣститъ арага о послѣднемъ часѣ его. Всю ночь провелъ онъ безъ сна, и, едва забрезжило утро, онъ всталъ и въ сильномъ волненіи пошелъ къ Аарону.

Братъ удивился его раннему приходу.

— Я размышлялъ,—сказалъ Моисей,—о трудныхъ мѣстахъ св. Писанія и вотъ пришелъ къ тебѣ, чтобъ обсудить ихъ вмѣстѣ.

Братья открыли святую книгу Торы и стали читать съ самага начала.

На каждомъ мѣстѣ они прерывали чтеніе и восклицали: «Это свято, это велико, это справедливо!»

Когда они дошли до мѣста, гдѣ говорится о грѣхѣ Адама и о томъ, какое наказаніе послѣдовало ему, Моисей вздохнулъ и произнесъ:

— О, Адамъ, зачѣмъ принесъ ты міру смерть!

Ааронъ прервалъ его:

— Къ чему скорбѣть, мой братъ? Не ведетъ-ли смерть къ блаженству вѣчному и неизъяснимымъ радостямъ Эдема?

Тогда Моисей вдругъ спросилъ его:

— Какъ полагаешь,—сколько тебѣ еще осталось жить?

— Полагаю, лѣтъ двадцать?—отвѣтилъ Ааронъ, недоумѣвая, зачѣмъ это вдругъ его спрашиваютъ объ этомъ.

— О, гораздо меньше,—возразилъ съ грустью Моисей.

— Выть можетъ, пятнадцать,—уступилъ Ааронъ.

— И того меньше, братъ мой!

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть десять.

— О, еще меньше!..

— Пять?..

— Меньше...

— Ааронъ началъ догадываться объ ужасной тайнѣ, и душой его овладѣло предсмертное волненіе.

— Любезный братъ!—сказалъ Моисей,—если бы Богъ извѣстилъ тебя, что ты умрешь черезъ сто лѣтъ, что сказалъ бы ты?

— Я сказалъ бы, что Господь справедливъ.

— А если Онъ извѣстилъ бы тебя, что ты долженъ умереть сейчасъ же?..

И Моисей опустилъ глаза долу.

— Я сказалъ бы, — отвѣтилъ съ покорностью Ааронъ,—что Превѣчный справедливъ и желаетъ мнѣ того, что лучше для меня.

— Такъ слѣдуй за мною, братъ!

И Моисей повелъ за руку Аарона.

Они взошли на высокую гору, и на вершинѣ горы открылась передъ ними глубокая пещера.

Въ пещерѣ стоялъ гробъ.

Ааронъ легъ въ гробъ и сталъ готовиться къ смерти.

— Горе мнѣ!—воскликнулъ Моисей, едва удерживая слезы,—при смерти сестры нашей мы оба присутвовали, при твоей—присутствую я; кто же будетъ при моей смерти?

И голосъ слышался съ неба: Превѣчный!..

Тогда Моисей поцѣловаль умирающаго въ лобъ и принялся разоблачать его.

И вотъ, по мѣрѣ того, какъ тѣло Аарона обнажалось, ихъ окружало и покрывало чудное небесное облако.

Воцарилась глубокая тишина,—и Ааронъ, казалось, погружался въ сладкій сонъ.

Моисей тихо вышелъ изъ пещеры и привалилъ камень у входа.

— Что чувствуешь, братъ?—спросилъ Моисей, плотно забывая всѣ отверстія входа.

— Чувствую, что легкое облако окружаетъ меня.

Моисей продолжалъ муровать и, когда кончилъ, снова спросилъ:

— Что чувствуешь теперь, Ааронъ?

— Чувствую, какъ облако наполняетъ меня небесною отрадою.

— А теперь?—спросилъ Моисей, постоявъ.

Едва слышный голосъ донесся:

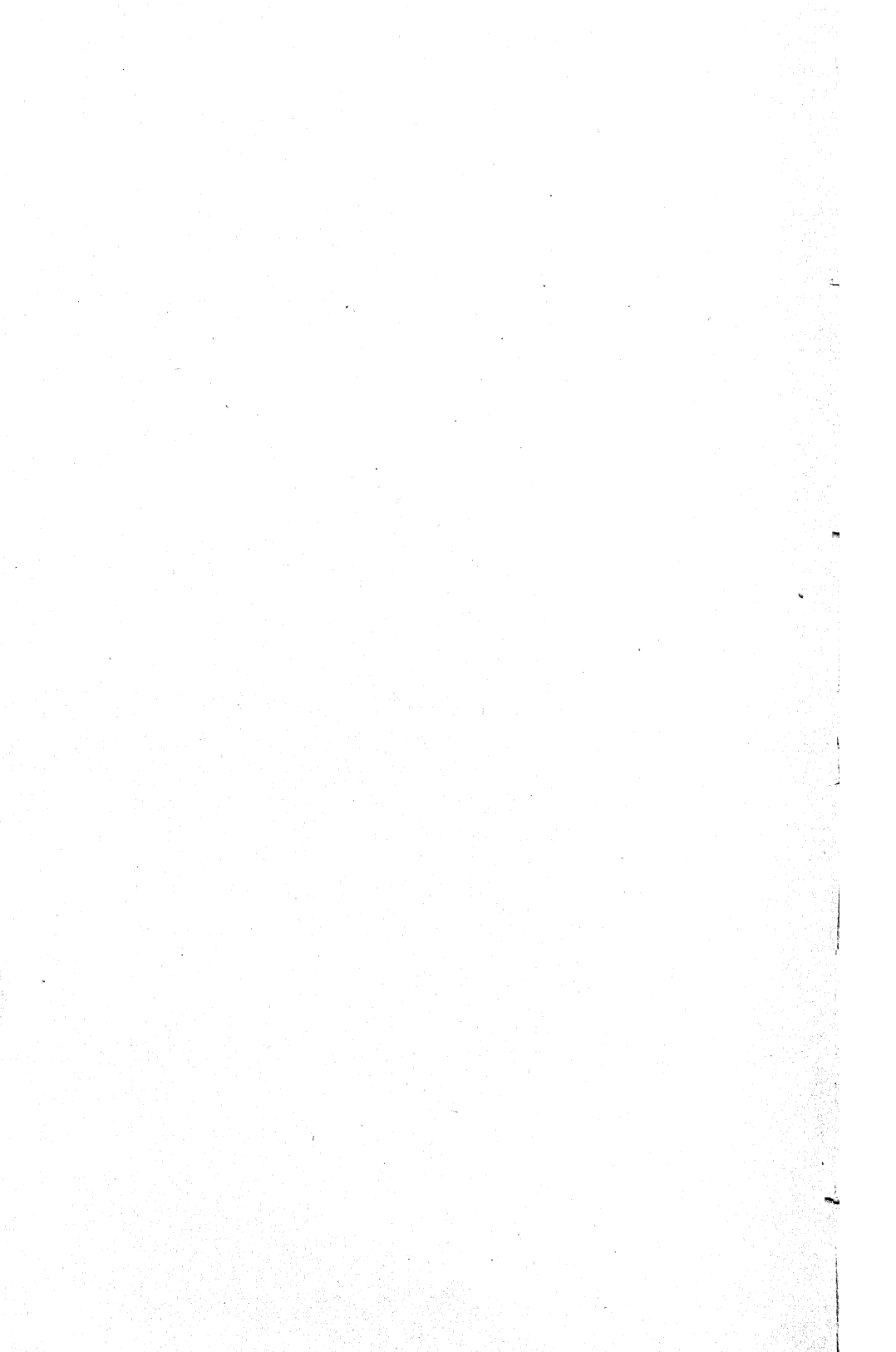
— Такъ хорошо!..

И Моисей увидѣлъ подымавшуюся къ небу душу брата.

— Счастливецъ!—воскликнулъ онъ ему вслѣдъ. О, еслибъ и моя смерть была такою!..

ЮДОФОБСТВО.

Когда въ 89 году, какъ и теперь, на нездоровыхъ верхахъ страны, зацвѣль ядовитымъ цвѣтомъ антисемитизмъ, и грозилъ тучей новыхъ репрессій цѣлой народности,—въ обществѣ заговорили и среди лучшихъ людей возникла мысль о гласномъ протестѣ.

Помню, Диллонъ прислалъ тогда Толстому для подписи текстъ составленнаго въ сильныхъ выраженіяхъ протеста, который долженъ былъ быть опубликованъ въ русской и иностранной печати.

Левъ Николаевичъ въ волненіи и полный негодованія противъ гонителей, подписалъ протестъ и долго и горячо говорилъ о безуміи и ужасахъ юдофобства.

— Мнѣ очень трудно—сказалъ онъ—представить себѣ состояніе души людей, одержимыхъ этимъ безуміемъ. Я никогда за собою не помню такихъ чувствъ и не наблюдалъ ихъ въ народѣ; но вдумываясь поглубже, я все яснѣе и яснѣе вижу, что юдофобство, не мнѣніе, не политическое убѣжденіе, не партійный взглядъ, а болѣзненное состояніе, дикая страсть, и страсть ближе всего подходящая къ области половыхъ низменныхъ страстей, съ особымъ извращеннымъ оттѣнкомъ.

Есть люди,—и въ особенности это поражаетъ среди спившихся и потерявшихъ стыдъ площадныхъ женщинъ, которыя безъ удержа и до пѣны у рта, ругаются скверными словами и грязной руганью и въ апогеѣ безумія, когда онѣ доходятъ уже до полного забвенія, онѣ, обнажая срамоту свою бросаютъ ее въ лицо людямъ, какъ верхъ гадости; и дѣйствительно, трудно придумать что нибудь болѣе гадкое.

Такая гадливая срамота обнажается и одержимыми

юдофобией. И они безъ удержу и всласть ругаются извѣстной, опостылѣвшей, руганью на евреевъ.

Они, какъ дорвутся до этого, то ужъ до пѣны у рта шипятъ этими шипящими звуками и этимъ шипѣньемъ, пропитаннымъ ненавистью и смрадомъ они, какъ ужи, прыскаютъ на другихъ, и видно, что это шипѣнье вызываетъ у нихъ особое чувство гнуснаго довольства и гнусной сладости.

И это одинаково; въ словесной и письменной брани. Вы возьмите лучшаго изъ писателей-юдофобовъ, который въ другихъ вопросахъ и трезвъ и способенъ связывать мысли и не повторяться; но какъ только доберется до евреевъ, то что ни строка, то слово: «жидъ» а иногда и два, въ строкѣ встрѣчается. Какъ та срамница со сквернословіемъ. Трудно подыскать другое сравненіе для нашей (простите: мнѣ даже противно выговорить это слово) жидоѣдской литературы.

Но сходство это идетъ еще дальше.

Есть люди, несомнѣнно больные, и которые потомъ и попадаютъ къ врачамъ, и люди эти развиваютъ въ себѣ, на почвѣ срамоты утонченное сладострастіе. Это одинъ изъ видовъ содомскаго грѣха.

Такіе люди узнаютъ другъ друга въ толпѣ по блеску глазъ, по особой улыбкѣ, по нажиму бровей и, узнавъ, другъ друга тѣшатся срамотами, губя душу свою и чистоту ея.

И юдофобы тоже таковы. И они по особой, только имъ однимъ свойственной, странной, смѣшанной съ коварствомъ и дѣланной болью, улыбкѣ, по кивку головы, по нажиму бровей, въ особенности когда рядомъ съ ними еврей или прошелъ мимо,—узнаютъ другъ друга и, узнавъ, тотчасъ начинаютъ обнажать срамоту души своей и шипѣть излюбленнымъ шипящимъ звукомъ «ж» и выкапывать изъ облюбованнаго слова глаголы, существительныя и прилагательныя». «Жидовскій», «жидюга», «жидовинъ» и т. д. Только это и слыпишь.

То, что они говорятъ при этомъ, о политикѣ, объ экономикѣ, объ исторіи и даже о религіи, о всемірномъ

господствѣ, о кагальномъ строѣ,—это никакого значенія не имѣеть, все это оболочки, заертки, и та труха, которой они пересыпаютъ скоро портящіеся фрукты. Главное это фруктъ, который они сосутъ и чавкаютъ и, облизываясь, смакують гадость, находя въ этомъ удовольствіе и отраду.

Мнѣ доводилось иногда,—на пароходахъ и въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ по цѣлымъ часамъ слушать эти рѣчи и я прямо поражался скудному однообразію темы и тѣмъ особымъ взвизгиваньемъ и хихиканьемъ, которыя сопровождаютъ такія «бесѣды».

Удивительно это напоминаетъ хохотъ и взвизгиваніе распутной кампаніи, гдѣ и мужчины и женщины, источая маркія сальности, топчутся со сладострастіемъ въ этомъ липкомъ мѣсивѣ затхлои гнили духа. И тоже, какъ въ той кампаніи, находятъ мѣсто глупые анекдоты и пошлыя представленія въ лицахъ съ кривляніями...

Я не играю сравненіемъ и не хочу во всѣхъ подробностяхъ проводить аналогію, но хочется установить ту несомнѣнную мысль, что юдофобство—большое, позорное любострастное чувство и что цвѣтетъ онъ и наблюдается среди тѣхъ народовъ и въ тѣ эпохи, когда грязная волна разврата заливаешь умы и сердца людей. Таковы были: Египеть, Римъ со своими половыми извращеніями; монашество и папы съ содомскими грѣхами, такова Франція съ ея Садизмомъ, и другими гадостями. И такъ и у насъ въ этомъ гниломъ основаніи, въ этихъ гнилыхъ и смрадныхъ верхахъ, откуда несетъ удушьемъ ада, и гдѣ тоже извращенность страсти принимаетъ тѣ же безобразныя и отвратительныя формы, что и у древнихъ.

И только этимъ объясняется то, что юдофобія именно въ этихъ кругахъ и гнѣздится, и отсюда эта гніющая жижа истекаетъ и отравляетъ долину народной жизни, какъ отравляютъ округу гніющіе отбросы и жидкости съ заводовъ и фабрикъ.

Народъ чуждъ юдофобскаго чувства, какъ чуждъ онъ разнымъ извращеніямъ—его заражаютъ этимъ только

сверху гдѣ люди подобны болоту, «пѣнящемуся срамотами своими» по слову апостола.

И между всѣми срамотами срамота юдофобства самая отвратительная и адо-образная. Здѣсь все есть и желчь ненависти и слюна бѣшенства и улыбка предательства, и все, что только могут извергнуть самые темные низы души человѣческой.

И пусть не говорятъ, что евреи такіе, что евреи иные, что ихъ жизнь, ихъ вѣра, поступки вызываютъ чувство юдофобіи,—нѣтъ!

Чистое юдофобство не разбираетъ вины и не о винѣ хлопочетъ.

Оно есть просто похоть злобы.

Очень откровенно говорилъ объ этомъ еще императоръ Адріанъ.

Съ нимъ встрѣтился однажды еврей и поклонился ему.

— Кто ты?—спросилъ императоръ.

— Еврей.

— Еврей... и ты посмѣлъ кланяться мнѣ, какъ будто я твой знакомый!.. умертвить его!..

Въ другой разъ другой еврей, знавшій уже объ этомъ случаѣ при встрѣчѣ съ Адріаномъ, прошелъ мимо и не посмѣлъ поклониться.

— Кто ты?—остановилъ его Адріанъ.

— Еврей.

— Еврей и ты дерзнулъ пройти мимо меня и не поклониться!.. умертвить его!..—послѣдовалъ приказъ.

Когда приближенные императора полунамеками выразили свое удивленіе, Адріанъ прямо заявилъ имъ:

— Я ненавижу ихъ и пользуюсь всякимъ случаемъ, чтобы истреблять ихъ.

И таковы всѣ юдофобы.

Что же это въ какую бездну ужасовъ влекутъ насъ эти одурѣлые черной похоти люди, и какой развалъ готовятъ они для страны, если это безуміе разовьется и охватитъ большіе круги. Не смуты, и не полки вражескихъ армій губятъ народности и страны, а распадъ внутренней силы и омраченія чистоты душевной, ростъ

похотливости, злобы и безпутства съ опорачиваніемъ другихъ націй,—вотъ что губить и сметаетъ съ лица земли народы, страны и государства.

— Люди—хочется крикнуть всѣмъ—что вы дѣлаете, зачѣмъ вы умножаете беззаконія свои и неслыханною жестокостью къ другимъ дѣлаетесь участниками гнѣва судьбы и этотъ гнѣвъ накликаете на свою собственную жизнь!

Эта громада страны, которая кажется теперь нерушимой, колоссальной и вѣчной, прогнѣтъ насквозь и разсыплется, какъ трухлявыя деревья, если дать этимъ червякамъ ненависти точить свою сердцевину и разѣдать кору.

Не сойти громада и съ трескомъ и шумомъ великимъ падетъ въ пучину забвенья, куда падали уже многие народъ за ту же вину. И Римъ, и Египеть, и Вавилонъ пали и рассыпались за ненависть къ народамъ населявшимъ страну ихъ, ибо ненависть, какъ ледъ, не можетъ быть цементомъ и горе той странѣ, которая уподобляется ледяному дому гдѣ облитые злобою и замороженные жестокостью покоренные и плѣнные народы служатъ столбами и опорю для стѣнъ и потолка.

Не уподобляйте страну нашу этому ледяному дому и не замораживайте ненавистью народностей, живущихъ среди насъ. Отогрѣвайте свое обледенѣвшее сердце и прострите свою руку обиженнымъ и попираемымъ.

Живя между нами евреи дожили до того, что надъ ними исполнилось тяжелое предсказаніе.

И не будетъ мѣста покоя для ноги твоей и дано тебѣ будетъ трепещущее сердце, истаеваніе очей и изнываніе души.

Какіе же мы ужасные и страшные люди, если мы имъ все это сдѣлали и безконечными выселеніями не даемъ покоя для ноги ихъ, а погромами и убійствами вселили въ нихъ трепещущее сердце, истаеваніе очей и изнываніе души.

Одумайтесь же и опомнитесь люди. И не доводите ужасовъ до конца!..

Увы, слова великаго человѣка остаются пока гла-сомъ вопіющаго въ пустынь!..

367.

